

Веддиг Фрикке

Кто осудил Иисуса?

Точка
зрения
юриста

Веддиг Фрикке

**Кто осудил Иисуса?
Точка зрения юриста**

«Интермедиатор»

1990

УДК 232.2
ББК 86.37

Фрикке В.

Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста / В. Фрикке —
«Интермедиатор», 1990

ISBN 978-5-4212-0436-7

Справедливо ли обвинение евреев в казни Иисуса? Какова роль Синедриона, царя Ирода и римского прокуратора в вынесении жестокого и неоправданного приговора? Насколько достоверно описывают события евангелисты? Можно ли надежно реконструировать всю хронику самого знаменитого в истории человечества судебного процесса? На эти вопросы пытается найти ответ автор – доктор юриспруденции из Германии. Его книга была переведена на семь европейских и японский языки и вызвала острую полемику среди историков и богословов. Русский перевод, выполненный по английскому изданию и сверенный с оригинальным немецким, дополнен статьей-комментарием известного отечественного теолога-библеиста Д. В. Щедровицкого. Для широкого круга читателей.

УДК 232.2

ББК 86.37

ISBN 978-5-4212-0436-7

© Фрикке В., 1990
© Интермедиатор, 1990

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Часть I	9
Глава первая. Источники и их историческая ценность	9
Авторы и канон	9
Акцент на проповеди Благой вести	13
Течения и преобразования в раннем христианстве	14
Глава вторая. Библейский Иисус	19
Обзор четырех евангелий	19
Апостол Павел сообщает	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Веддиг Фрикке

Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста

© Weddig Fricke, 1990

© Перевод на русский язык. Издательство «Тервинф», 2003

© Электрон. текстовые дан. Тервинф, 2017.

Предисловие

Эту книгу меня побудило написать судебное разбирательство, в котором я участвовал как адвокат. С 1970-го по 1974-й год я выступал на стороне защиты в процессе над нацистским преступником, представшим перед фрайбургским судом присяжных. Подсудимый, который в 1942 году служил полицейским в еврейском гетто в Ченстохове, обвинялся в жестоком преследовании и убийстве восьми евреев. Человек, сидевший на скамье подсудимых, был слесарем по профессии, знатоком своего дела, и выглядел добропорядочным гражданином и патриархальным отцом семейства – эдаким добродушным дедушкой. Он был молод, когда 32 года назад совершил свои преступления. Свидетели подтвердили его участие в злодеяниях, личная ответственность и вина были установлены, и он был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в убийстве нескольких лиц.

На таких процессах более всего поражает ужасающая картина преступления, подробности которой вырисовываются по мере того, как очевидцы в зале суда вспоминают те события. Шокирует и то, что этот абсолютно заурядный человек мог совершить подобное преступление лишь в обстановке извращенного правосудия, за которую он ответствен не более чем те, кому затем пришлось рассматривать его злодеяние.

Если обычный убийца, нарушая законы общества и принятый в нем порядок, сознательно противопоставляет себя государству и социуму, то полицейский, расстрелявший в 1942 году евреев из гетто за мелкие правонарушения, вполне мог оправдывать свои действия установленными государством и обществом нормами. Именно в таких случаях становится очевидной разница между государством, в котором имеют место те или иные правонарушения, и государством, в котором преступление провозглашено добродетелью.

Как адвокат, выступающий на стороне защиты, я должен был изучить исторический антисемитизм, или, если быть более точным, антииудаизм. Явление это достигло своего апогея при Гитлере, но оно имеет древние корни и никоим образом не ограничивается Германией.

Исторический антииудаизм прочно укоренился во всех странах с христианской культурой. Прослеживая его источники, неминуемо возвращаешься – об этом приходится говорить с прискорбием – к авторам Нового Завета. Их обвинение евреев в смерти Иисуса и свидетельство о проклятии, которое те якобы призвали на самих себя (Матф. 27, 25–26), в течение веков использовались в качестве юридического обоснования притеснений, изгнания и массовых убийств евреев. Всякий раз, когда «христиане» давали волю своей ненависти по отношению к евреям, свои действия они оправдывали словами евангелий – главным образом Евангелия от Матфея и Евангелия от Иоанна.

Осознав это, я приступил к более глубокому изучению источников и в конце концов уступил обаянию личности исторического Иисуса из Назарета. Так появилась эта книга.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто поддерживал меня в этом проекте и чьи предложения и советы побуждали меня к продолжению работы над рукописью, которую я то и дело приостанавливал в силу своей занятости.

Я особенно признателен моему другу Георгу Тамму. В наших долгих вечерних беседах он не только помогал мне ценными советами, но и вычитывал рукописи, и сверял цитаты. Многие его подсказки и предложения приводили меня к новым открытиям. Также выражаю благодарность своей юной сотруднице Эльке Ленски, печатавшей рукопись зачастую после работы и по выходным, делая это всегда с энтузиазмом, даже если страницы приходилось перепечатывать снова и снова, внося стилистическую правку. Я также благодарен всем, кто, стремясь восстановить историческую справедливость, внес свой вклад в распространение этой книги.

Фрайбург, 9 ноября 1986 года

Введение

До сих пор юристы редко интересуются личностью Иисуса из Назарета и обстоятельствами его насильственной смерти. И это удивительно, поскольку от юристов в первую очередь ожидают объективного мнения об Иисусе. Ведь, согласно традиции, суд над ним стал одним из тех случаев – причем наиболее значительным, – когда невиновному был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение.

Однако мы не добьемся объективного мнения об этом судебном разбирательстве, пока не рассмотрим, насколько удастся, биографию обвиняемого и не подвергнем ее затем критической оценке с учетом конкретных обстоятельств его жизни. Следуя подобной практике современного уголовного судопроизводства, первая часть книги посвящена личности Иисуса.

В данной работе я не пытаюсь дать описание жизни Иисуса или провести повторное судебное разбирательство и пересмотреть приговор иерусалимского суда. Юридический анализ заранее обречен на неудачу, поскольку мы не уверены в том, что уголовное разбирательство (в современном понимании этого слова) вообще имело место.

В конечном счете, нельзя назвать удовлетворительной ни одну из трех наиболее достоверных с исторической точки зрения теорий, объясняющих обстоятельства распятия Иисуса: ни утверждающую, что еврейский истеблишмент пожелал избавиться от этого галилейского пророка и нарушителя спокойствия и передал его римлянам; ни ту, согласно которой Иисус являлся зелотом, борцом против римской оккупации, за что и был казнен; ни теорию, представленную здесь как наиболее вероятную, согласно которой римляне приговорили Иисуса как подозреваемого бунтовщика своим военно-полевым судом¹, после чего распяли его, не распознав пацифистский характер его общественной деятельности.

Евангелия скупы на подробности жизни Иисуса, неожиданно окончившейся арестом и казнью. Проще указать, где евангельское повествование противоречит критериям объективности, а потому нуждается в коррекции. Тот факт, что нигде, кроме евангелий, не упоминается судебный процесс, проводившийся в Иерусалиме примерно в 30 г. н. э., привел меня к заключению, что происшедшее на Голгофе не вызвало сенсации или, во всяком случае, не запомнилось современникам.

Ни Павел, ни евангелия, ни другие авторы Нового Завета не проявляют особого интереса к биографии Иисуса. Более того, острая нехватка сведений со временем породила сомнения в существовании исторического Иисуса. Только благодаря данным, полученным в результате так называемого историко-критического исследования существования Иисуса, этот скептицизм был рассеян.

Евангелия несли проповедь христианского учения на просторах Римской империи. Отсюда изначально предвзятое отношение к вопросу вины за смерть Иисуса. Например, римский прокуратор Понтий Пилат, описанный в исторических источниках как невероятно жестокий и настроенный против евреев человек, в евангелиях изображен как снисходительный судья, который якобы делал все возможное в тщетной попытке освободить обвиняемого Иисуса, представшего перед его судом.

Некоторые факты, с которыми читатель столкнется в этой книге, можно обнаружить и в трудах других авторов. В действительности, нет ни одного мнения или предположения, высказанного здесь, которое не прозвучало бы ранее в полифонии богословской дискуссии. Однако,

¹ Другими словами, уголовное разбирательство «дела Иисуса» выглядит так, как если бы оно было проведено военным трибуналом. Я понимаю, что подобное сравнение исторически неубедительно. Можно привести доводы, что военный трибунал – это институт, созданный военным уголовным кодексом для проведения суда исключительно над военными. Тем не менее, я считаю, что термин «военный трибунал» здесь уместен, так как он подчеркивает ту поспешность, с которой был проведен суд над Иисусом.

насколько мне известно, попытки такого синтеза еще не предпринимались. Кроме того, методика данной работы отличается от методик прочих публикаций.

Меня как юриста заинтриговала идея проведения своего рода «перекрестного допроса свидетелей», имеющих отношение к Иисусу и к суду над ним. Выбранный мной метод, в котором цитаты из главных документов христианской веры и христианско-иудейского диалога перемежаются с аргументами других авторов, призван показать читателю, что образ Иисуса, создаваемый Церковью и проповедуемый с кафедры, радикально отличается от образа летописных свидетельств.

Хотя всем мнениям об историческом Иисусе непременно свойственна философская или религиозная предвзятость тех, кто их придерживается, я приложил немало усилий, чтобы не касаться вопросов личной веры. Христианам, которым мои аргументы покажутся убедительными, не придется отказываться от центральной идеи христианства, заключающейся в том, что Иисус из Назарета – умерший и воскресший Христос. Однако я выступаю против веры, отвергающей достижения исторических исследований, веры, которую можно назвать слепой. История учит нас тому, как легко слепая вера может превращаться в фанатизм и порождать гонения. Для того чтобы правильно понять эту книгу, следует рассматривать ее не с теологической, а с юридическо-исторической точки зрения.

Часть I

Личность

Глава первая. Источники и их историческая ценность

Авторы и канон

Всякий, кто занимается поисками биографических данных об Иисусе Христе, напоминает человека, бредущего в темноте на ощупь. Об Иисусе известно намного меньше, чем, скажем, об Александре Македонском, Цезаре или Августе; мы можем лишь догадываться, как могло произойти то или иное событие в его жизни. Но что мы можем сделать, так это отделить правду от вымысла в тех сведениях, которые нам известны.²

Иисус лично не оставил после себя никаких письменных свидетельств. В литературе своего времени он не описывается.³ Единственным источником является Новый Завет. Однако, никто из авторов Нового Завета, включая Павла, который был единственным современником Иисуса, с ним не встречался. Францисканский ученый Дауценберг высказывает мнение, которое в той или иной степени какое-то время разделялось теологами: «Ни одно евангелие не было написано очевидцем».⁴

Авторы евангелий принадлежат к более позднему поколению и остаются неизвестными истории. Никого из них, несмотря на совпадение имен, не следует отождествлять с апостолами, учениками Иисуса. Даже автор двух посланий Петра, хотя он и представляется учеником Симоном Петром и свидетелем описываемых событий, – это не Симон Петр из евангелий и Книги Деяний. Неизвестный автор обоих посланий просто присвоил себе имя Петр, дабы воспользоваться авторитетом и придать больше веса своим словам.⁵ Это же справедливо и в отношении посланий Иакова и Иуды. Авторы этих посланий, как бы там ни было, не Иаков и Иуда, братья Иисуса, упоминаемые в Евангелии от Марка (6, 3).

Древнему миру не было известно право на литературную собственность, и авторство многих произведений приписывалось известным личностям, которые не имели к ним ника-

² В этом отношении другие религии испытывают еще большие затруднения, чем христианство. Учение Будды было записано лишь через 500 лет после его смерти, Конфуция – спустя 700 лет после его кончины.

³ Иисус упоминается Иосифом Флавием всего однажды, и то мельком. Но даже это упоминание не является абсолютно достоверным с исторической точки зрения. Клаузер (с. 67 и далее) приводит подробный и исчерпывающий список нехристианских источников.

⁴ Дауценберг, с. 63. Утверждение о том, что существовали свидетели, восходит к Августину, по словам которого, Матфей и Иоанн были очевидцами, в то время как Марк и Лука получили информацию из их «достоверных» описаний (Вилькен, с. 156). Несмотря на все находки ученых, свидетельствующих об обратном, подобные заявления можно услышать до сих пор, хотя и не часто. Некоторые ссылаются на источники, предшествующие Августину. Ф. Мэй, верующий в Иисуса, в своей книге *Die Wahrheit über Jesus Christus* (Moers, 1982) интересуется исключительно «назидательным толкованием» Писаний и отбрасывает исторические факты как «вносящие сумятицу... в умы многих современных теологов». Время от времени Мэй даже цитирует этих «современных теологов», но только с целью опровергнуть их при помощи «неожиданных и убедительных ответов».

⁵ Два послания Петра были написаны автором, который провозглашал евангелие в духе Павла. Это как раз то, чего не делал ученик Петр. Послания в своем окончательном виде, вероятно, восходят лишь к началу IV столетия. В пользу более раннего появления Первого послания Петра свидетельствует типичное для мировоззрения Иисуса ожидание приближающегося Царства Божьего (1 Петр. 4, 7). Легенда о том, как Христос сошел в ад (1 Петр. 3, 19–20), стала известна только после Никейского собора в 325 г. н. э. Автор Первого послания Петра сообщает также, что христиане преследуются «по всему миру». Так и было, но не при Нероне (в период правления которого, судя по документальным источникам, были предприняты только несколько полицейских «облавы» на христиан), а гораздо позже, при Марке Аврелии и особенно при Диоклетиане. С другой стороны, только в этот более поздний период христиане чувствовали себя достаточно сильными, чтобы открыто противостоять этим гонениям.

кого отношения. Например, большая часть псалмов Давида и высказываний Соломона имеет к Давиду или Соломону не больше отношения, чем Книги Моисеевы – к Моисею.

Когда автор Евангелия от Иоанна заявляет: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Иоан. 21, 24), он вводит читателя в заблуждение, так же как и составитель посланий Петра. Автор стремится внушить читателю мысль о том, что евангелист Иоанн и возлюбленный ученик Иисуса Иоанн – это одно и то же лицо. Отрывок, в котором рассказывается, что он стоял у подножия креста и сопереживал Иисусу в его последние минуты (Иоан. 19, 35), используется в качестве подтверждения этой ошибочной теории. В действительности события, описанные в Евангелии от Иоанна, произошли за 80 лет до его составления. Следовательно, автору должно было быть около ста лет, если он, в самом деле, был очевидцем тех событий.

Ученики,⁶ а, по сути, и все те, кто мог окружать Иисуса за время его недолгого общественного служения, были людьми простыми, но читать и писать могли. Хотя Иисус старался быть понятным простым людям и не предъявлял к своей аудитории никаких особых интеллектуальных требований, даже ученикам было трудно понимать его. Постоянно задавая вопросы о смысле той или иной притчи или высказывания, они, должно быть, нередко выводили учителя из терпения.

И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?.. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? (*Марк. 4, 13; 8, 17–18*)

Подобно Петру, большинство учеников, вероятно, были рыбаками из Галилеи. Кроме того, что их существование не подтверждается письменными свидетельствами, трудно представить, чтобы кто-то из них был способен создать сложные теологические формулировки, которые мы находим в Новом Завете. В Книге Деяний (4, 13) Петр и Иоанн прямо названы людьми «некнижными и простыми». Это еще один аргумент в поддержку того, что послание Петра написал не ученик Петр, а Евангелие от Иоанна – не ученик Иоанн.

Евангелия и другие новозаветные труды были написаны на греческом. Во всяком случае, нет ни филологического доказательства, ни разумного обоснования гипотезы, утверждающей, что изначально они были написаны на древнееврейском или арамейском языке, а известные нам тексты – всего лишь греческие переводы.

В Палестине времен Иисуса греческий был языком образованных людей. Изучал ли Иисус греческий, нам не известно, однако Сальция Ландманн замечает: «Скорее всего, Иисус, деревенский житель из Галилеи, владел греческим и латынью в той же степени, в какой раввин-чудотворец из Восточной Галиции владел польским и рутенским, т. е. знания нескольких слов было достаточно для обсуждения элементарных бытовых тем».⁷

Сам Иисус и его ближайшие последователи говорили на арамейском языке, родственном древнееврейскому. Вполне возможно, что у них был сильный акцент, типичный для Галилеи.

⁶ О том, как был сформирован этот круг, см.: Марк. 3, 14–19. Терминология неодинакова. Марк и Лука используют слово «ученик» только по отношению к тем, кто входил в узкий круг последователей и сопровождал Иисуса в его путешествиях. У Матфея и Иоанна те люди, которые верили учению Иисуса и почитали его, также иногда названы учениками (Матф. 27, 57; 28, 19; Иоан. 7, 3; 8, 31; 9, 28; 13, 35; 15, 8). Вопрос о том, существовала ли замкнутая группа учеников еще при жизни Иисуса или же она возникла позже, в Иерусалиме (когда ученики получили титул «апостолов». – I Кор. 15, 5), по причине общей веры в воскресение, остается открытым. Ср.: Концельманн, *Religionen* (с. 69); Зимонис (с. 55 и далее). Зимонис убедительно показывает, что группа из Двенадцати учеников не могла существовать при жизни Иисуса, а появилась только после его смерти. Число 12 не следует воспринимать буквально; оно символизирует двенадцать колен избранного народа: «...и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Лук. 22, 30). Во времена Иисуса существовало только колено Иуды, остальные сохранились лишь в памяти народа.

⁷ Ландманн, *Jesus und die Juden*, с. 263.

Действительно, в Петре узнали галилеянина и ученика Иисуса именно из-за этого акцента: «... точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя» (Матф. 26, 73).

Не сохранилось ни одной записи, которая содержала бы слова Иисуса о его семье или жизни, произнесенные в кругу близких к нему людей. В большинстве книг Нового Завета, например в посланиях Павла, сам Иисус никогда не цитируется. Только евангелия заявляют, что дословно передают слова Иисуса. Они, предположительно, были переведены на греческий, общеупотребительный язык того времени. Затем потребовалось перевести их обратно на арамейский для тех приверженцев формирующегося учения Иисуса, которые говорили только на этом языке. В конце концов, высказывания были записаны для грекоговорящего читателя в форме евангелий, и в таком виде они дошли до нас.

Высказывания Иисуса, в том виде, в котором мы сегодня читаем и воспринимаем их в евангелиях, оказываются укорененными не в его семитическом, а в нашем, европейском, лингвистическом мире. Общеизвестно, что люди из разных языковых семей не только говорят, но и думают по-разному. Иисус и его ученики принадлежали к семитической языковой семье, а потому мыслили иными категориями, нежели те, что привычны для носителей индоевропейских языков.

Древнейшие дошедшие до нас свидетельства об Иисусе – это послания Павла из Коринфа в Салоники, к общине фессалоникийцев, первое из которых предположительно было отправлено в 50 г. н. э. Конечно, Павел нигде не касается земной личности Иисуса и не проявляет ни малейшего интереса к этому вопросу. Он сообщает о распятом и воскресшем Христе, Христе веры и проповеди, но не об исторической личности Иисуса из Назарета.

Ученые в целом соглашаются в ответе на вопрос о хронологической последовательности написания евангелий, но точные даты их появления неизвестны. Согласно господствующему мнению, Евангелие от Марка датируется приблизительно 70-м г. н. э. (за исключением второй половины заключительной главы, которая предположительно была написана примерно на сто лет позже); Евангелие от Матфея восходит к 80-м годам (заклучительная глава его была написана спустя почти 150 лет); Евангелие от Луки увидело свет вскоре после того – около 90 г. н. э.; Евангелие от Иоанна – спустя 10–30 лет, в конце I или в начале II века.⁸ Книга Деяний Апостолов того же автора, что и Евангелие от Луки, датируется примерно 95 г. н. э.

Завоевание Иерусалима и разрушение Храма (70 г. н. э.) упоминаются как у Марка (13, 2), так и у Луки (19, 43–44). В Евангелии от Матфея сообщение о павшей столице включено в притчу о свадебном пире (22, 7–8).

Апокалипсис, или Откровение Иоанна, заключительная книга Нового Завета, считается и хронологически последним каноническим документом. Существует, однако, мнение незначительного числа ученых, называющих более раннюю дату написания. Они основываются на том, что упомянутое в Книге Откровения (13, 18) мистическое число 666 – тайный символ, обозначающий цезаря Нерона.⁹

Ни евангелия, ни какая-либо другая книга Нового Завета не сохранились в своем первоначальном виде; не дошли до нас и первые их списки. Мы имеем лишь копии копий предыдущих списков. Никто не может доказать, что эти копии не содержат дополнений, вносящих элементы более позднего церковного учения. Дошедшие до нас древнейшие копии синоптических евангелий, написанные уже не на папирусе, а на пергаменте, относятся к III и IV столетиям. Новый Завет в том виде, в каком он существует сегодня, получил распространение в восточном христианском мире примерно к 380 г. н. э.¹⁰ Фрагмент папируса восемнадцатой

⁸ Такова датировка Вилькена.

⁹ Майер, с. 158, 176.

¹⁰ Майер, с. 158, ссылка на Ландманн.

главы Евангелия от Иоанна, относящийся к первой половине II века, был обнаружен в 1933 году в Египетской пустыне.

Евангелие от Иоанна определенно не было написано одним автором. Существует вероятность, что другие евангелия также стали плодом творчества нескольких писателей. Эти авторы должны были быть более или менее образованными богословами. Откуда они были, где проживали и где составляли свои труды – нам неизвестно. В церковной традиции, а также среди ученых часто можно встретить мнение, что лишь самое первое евангелие, Евангелие от Марка, было написано в Риме.

Евангелия были переданы нам в анонимной форме; свои современные названия они получили от отцов Церкви во II веке. Критерии, по которым определялось авторство, нам не известны, за исключением, возможно, Евангелия от Иоанна, автора которого, как можно предположить, установили на том основании, что только Иоанн назван в нем учеником, «которого любил Иисус».

Евангелия и послания странствующих последователей Иисуса переписывались вновь и вновь, и уже поэтому в них неизбежно должны были вкрасаться отклонения. Еще одним источником разночтений стало то, что описания благочестивых летописцев Иисуса основывались главным образом на устных рассказах. И если помнить, что все события происходили на Ближнем Востоке и что «информаторы» в большинстве своем были людьми простыми (более того, они стали последователями Иисуса, попав под влияние тех, кто твердо и горячо верил в его воскресение), то становится очевидной сложность отделения фактов от вымысла.

За триста лет, минувших со смерти Иисуса и до возведения христианского учения в статус государственной религии, доктринальные мнения сплелись в большой запутанный клубок. Обнаруженный в Стамбуле в 1966 году манускрипт, содержащий информацию о первых столетиях христианства, указывает на существование около 80 различных версий евангелий. Некоторые из них сохранились, но считались апокрифическими, а потому не были включены в Новый Завет.

Первым общинам Павла предстояло найти ответ на вопрос: что именно из всего изобилия документов и писаний считать обязательным, а что нет. Время от времени делать «выбор» или вносить «исправления» приходилось более или менее произвольно. Папий, ранний христианский епископ, описывает встречу отцов Церкви, состоявшуюся примерно в 140 г. н. э. На ней существовавшие на тот момент тексты были положены к подножию алтаря. Поскольку способа определения подлинных и поддельных текстов уже не было, отцы помолились о том, чтобы подлинные книги сами вознеслись на алтарь. Согласно Папию, это действительно произошло. К сожалению, он не счел нужным перечислить эти книги.

Так называемый Ветхий Завет, как и прежде, считался «священной» книгой в самом строгом смысле этого слова. Устно передаваемым высказываниям Иисуса присваивался такой же авторитет. Следом за ними шли многочисленные евангелия и прочие писания, которым предавалось меньше значимости, и они не были расположены по степени важности. Вопрос о том, что считать «правоверием», а что «ересью», обсуждался в течение долгого времени и послужил поводом для бурных дебатов внутри Церкви. Сотни конкурирующих учителей претендовали на провозглашение «истинного учения Христова» и обвиняли других в мошенничестве.¹¹ Схватки между христианами были более яростными, чем дискуссии с язычниками, по отношению к которым Церковь проявляла терпимость, пока не обрела политическую власть.

В конце концов, за двести с лишним лет некоторые евангелия были включены в так называемый Новый Завет, хотя многие из них долгое время отвергались. Другие пали жертвой внутрицерковных споров: любой церковный авторитет мог пожелать, чтобы приняли некое писание, но не всегда достигал своей цели. Например, Тертуллиан и Ориген хотели канонизировать

¹¹ Пагельс, с. 44.

Евангелие Евреев и Евангелие Египтян. (На ранней стадии канонизации было решено признать только Евангелие от Луки, но лишь после «очистки от иудаизма», и десять подобным же образом «очищенных» посланий апостола Павла.) Именно на этом настаивал учитель церкви Маркион, бесспорно, самый влиятельный христианский участник дискуссий II столетия, однако позже его требования были осуждены как ересь.¹²

Споры продолжались вплоть до 383 г. н. э., когда папа Дамасий I поручил своему секретарю Иерониму (Блаженному Иерониму) пересмотреть древний латинский перевод Библии. В результате появилась еще одна латинская версия, Вульгата, содержащая помимо Ветхого Завета, еще 27 книг, которые с тех пор и составляют канон Нового Завета. С этого времени их также считают писаниями апостолов, книгами, вдохновленными Святым Духом и, следовательно, имеющими божественное происхождение. Всякое сомнение в их содержании было запрещено *a priori*. Четыре евангелия, в частности, были утверждены на основании довольно странного аргумента: сторон света – четыре; кроме того, согласно пророку Иезекиилю, у колесницы всевышнего Бога находятся четыре животных.

Только на заре Просвещения был робко поднят богословский вопрос: был ли Новый Завет трудом исключительно Божьим? Со временем его стали считать, по словам Иоганна Готфрида Гердера, «книгой, написанной людьми и для людей». Разумеется, рассуждать на эту тему официально могли себе позволить только протестантские теологи. Для католиков догма богодухновенности новозаветных текстов была еще раз подтверждена на Первом Ватиканском соборе в 1870 году. По сегодняшний день церковные учителя не санкционируют участия в дискуссиях на эту тему.

Акцент на проповеди Благой вести

Авторов Нового Завета не интересует историчность фактов, их беспокоит совсем иное. Они стремятся провозгласить Благоую весть (*eu-angelion*), выраженную в проповеди Павла о воскресшем Христе, чья смерть на кресте искупила грехи человечества (II Кор. 5, 19). Евангелисты особенно стремятся распространить Благоую весть в том виде, в каком ее проповедовал сам Иисус, а именно – весть о приближающемся Царстве Божьем (Марк. 1, 15).¹³

Проблема исторической достоверности высказываний Иисуса усложняется тем, что непосредственно ему не принадлежит авторство ни одной из доктрин. С момента обнаружения свитков Мертвого моря в 1947 году с этим следует смириться как с неоспоримым фактом.¹⁴ Даже Гельмут Тилике, довольно консервативный теолог, настаивает на том, что Иисус «не произнес практически ни единого слова, которое нельзя было бы прочесть в раввинистической литературе до него, причем почти в той же форме».¹⁵ Ханс Кюнг цитирует¹⁶ Барта, Бульмана и Тиллиха, которые еще более скептически по этому поводу: они не считают ни одно высказывание Иисуса, дошедшее до нас, безупречным с исторической точки зрения. Сам Кюнг не разделяет такой подход. В соответствии с преобладающей ныне концепцией¹⁷ он рассматривает евангелия не только как свидетельства веры, но и как источники исторической информации об исторической личности Иисуса.

Следует провести различие между словами, которые мог действительно произнести Иисус (*ipsissima verba Jesu*), и словами, которые были вложены в его уста. Что можно счи-

¹² О Маркионе см. главу 2 данной книги.

¹³ Ис. 61, 1–2. На этом впечатляющем отрывке Иисус построил свою проповедь, произнесенную в синагоге родного города (Лук. 4, 18–10).

¹⁴ См. главу 2 данной книги.

¹⁵ Цит. по: Аугштайн, с. 106–107.

¹⁶ С. 146.

¹⁷ См., напр., Схиллбекс, с. 38.

тать описанием реальных событий, а что – толкованием, проповедью в церкви, образованной уже после воскресения? И как определить, где уже само толкование трансформируется и приобретает иной смысл? Например, согласно Евангелиям от Марка (15, 34) и от Матфея (27, 46), Иисус умирал со словами отчаяния на устах: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Эти два евангелиста не пытаются завуалировать чувство полной безысходности человека, который ощущает, что Бог покинул его. Однако, немного позже, автор эллинизированного Евангелия от Луки смотрит на это иначе. Здесь последние слова отражают не безысходность, а скорее стоическое принятие смерти: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лук. 23, 46).

Наконец, в Евангелии от Иоанна, где все человеческое поглощено его божественной природой, во Христе не видно ни отчаяния, ни смиренного принятия происходящего. Здесь свой земной путь Иисус завершает триумфальным возгласом: «Совершилось!» (Иоан. 19, 30).¹⁸

Читая евангелия, всегда следует помнить, что они создавались с целью передать потомкам не историческую истину, а истину, от которой зависит благоденствие и спасение человечества.¹⁹ Кюнг сравнивает²⁰ евангелия с пьесами Шекспира. Ни те, ни другие не стремятся достоверно описать исторические события. Их цель – проповедь, они знаменуют начало новой эпохи. С такой точки зрения легенда может заключать в себе истину гораздо более значимую, нежели историческое повествование. Рассказ о добром самарянине, возможно, самый прекрасный тому пример.²¹

Течения и преобразования в раннем христианстве

Авторов Нового Завета нельзя считать незаинтересованными лицами. В лучшем случае они основывают свои свидетельства на слухах, что неоднократно наблюдается у евангелиста Иоанна. Первые христианские предания не содержат «никаких данных, которые можно было бы назвать биографическими».²²

Изначально «рассказы» об Иисусе из Назарета звучали из уст людей, для которых он был более чем близким человеком, и которые хранили память о нем после его смерти. Благодаря Иисусу каждый из рассказчиков по-своему пережил спасение. Так или иначе, можно предположить, что люди, знавшие его лично, думали и говорили о нем не так, как впоследствии Павел и евангелисты. Со времен Павла еврейство Иисуса стало почти неупоминаемым. Иисуса стали намеренно изображать в постоянном конфликте с евреями, или, по крайней мере, с отдельной еврейской группой – фарисеями. Однако ранняя христианская община, судя по всему, видела и описывала Иисуса как еврея «по плоти и духу».

¹⁸ Теологические произведения часто упоминают о «семи речениях Иисуса на кресте». Сюда входят три «речения» в Евангелии от Иоанна (19, 26–30), три – в Евангелии от Луки (23, ст. 34, 43 и 46) и еще одно – в Евангелии от Марка (15, 34) и Евангелии от Матфея (27, 46).

¹⁹ В целом, античная греко-римская историография не особенно стремилась сообщить читателю какую-то информацию. Ее целью было отразить этический или религиозный взгляд на реальность. Поэтому героев идеализировали, а вымышленные злые деяния приписывались трусам. Римский историк Тит Ливий назвал это идеальным историографическим методом (см.: Схиллбекс, с. 67).

²⁰ С. 336.

²¹ Бен-Хорин (*Bruder Jesus*, с. 109) описывает показания настоятеля берлинского собора Грюбера во время суда над Эйхманом. Эйхман однажды спросил Грюбера, почему тот, будучи христианином, рисковал своей жизнью, помогая евреям, хотя не мог ожидать за это никакой благодарности. Грюбер полагал, что Эйхман, ранее имевший отношение к ордену тамплиеров, поймет смысл притчи о добром самарянине. Он ответил так: «Однажды на еврея напали разбойники и оставили его, полумертвого, лежать на дороге, что вела из Иерусалима в Иерихон. Тогда человек, не бывший евреем, подошел к нему и помог. Таков, господин штурмбаннфюрер, мой ответ».

²² Дибелиус, цит. по: Дешнер, с. 34.

Первоочередной задачей текстов Нового Завета было изобразить Иисуса в свете воскресения и прославить его как Искупителя (керигматический характер евангелий). Между Иисусом веры и Иисусом историческим зияет пропасть так называемой пасхальной гробницы.

Отсутствие какой бы то ни было информации о человеке из Назарета указывает на то, что даже первые христианские общины не проявляли особого интереса к биографическим подробностям его жизни. Павел наметил тенденцию, следуя которой, авторы шаг за шагом лишили образ исторического Иисуса реальности и превратили его в «божественного Христа». С самого начала Иисус изображался не таким, каким он был на самом деле, но каким он был необходим общине для формирования вероисповедания.²³ Некоторые стадии этого изменения можно различить в евангелиях, соответственно порядку, в котором они были написаны. Можно выделить следующие этапы: сын плотника – у Марка; сын Давидов – у Матфея; пророк и Спаситель – у Луки; Сын Божий – у Иоанна; и далее – Сам Бог на соборах в Никее (325 г. н. э.) и Халкидоне (451 г. н. э.).²⁴

Евангельские повествования не независимы друг от друга; авторы Евангелий от Матфея и от Луки основывались на Евангелии от Марка. Оба автора расширили текст Марка на одну треть, так что их в шутку прозвали «второе и третье дополненное издание Евангелия от Марка». Евангелия от Марка, Матфея и Луки называются синоптическими, поскольку они схожи в последовательности изложения и содержании материала; они представляют одно общее мнение, и их можно читать параллельно. Но во многих моментах они все же отличаются друг от друга.

Евангелие от Иоанна имеет совершенно другой характер и ничем не выдает своего палестинского происхождения. Оно представляет собой исследование, посвященное исключительно христологии; в теологии его обозначают как «духовное» евангелие.

Большинство новозаветных ученых сходятся во мнении, что по крайней мере Матфей и Лука при написании своих сочинений пользовались общим источником (возможно, письменным, на арамейском языке), цитаты из которого впоследствии они подправили, согласуя их с концепцией веры, созданной Павлом. Этот так называемый текст *logia* (обозначаемый учеными буквой «Q»²⁵) утерян; возможно, он просто пал жертвой церковной цензуры. Предполагают, что это было собрание высказываний, приписываемых Иисусу, которые позже были переработаны и объединены, например, в Нагорной проповеди.²⁶

Описание Страстной недели, в частности, стало передаваться из уст в уста очень рано, вероятно, еще во время правления Каиафы и Пилата, до 37 г. н. э. Эта ранняя «история страстей» описывала скорбный путь Иисуса на Голгофу по повелению Понтия Пилата. «Религиозный суд» Синедриона в ней не упоминался.²⁷

²³ См.: Схиллбекс, с. 45.

²⁴ См. главу 9 данной книги.

²⁵ От немецкого «die quelle» – «источник». – Прим. ред. консульт.

²⁶ Историчность Нагорной проповеди, по крайней мере, как единой по форме публичной речи, имевшей начало и конец, спорна. Прежде всего, поразительно, что Нагорную проповедь в ее общеизвестном виде можно обнаружить только у Матфея. У Луки (где действие происходит «на равнине») она значительно сокращена, а Марк и Иоанн вообще не упоминают ни о Нагорной проповеди, ни, среди прочего, о заповеди любить своих врагов. То есть они оставляют без внимания наиболее возвышенное и благородное в учении Иисуса, квинтэссенцию христианства. Евангелие от Марка (12, 31) довольно многозначительно подчеркивает только любовь к ближнему, даже не намекая на любовь к своим врагам. Слова Нагорной проповеди, вероятнее всего, являются всего лишь редакторским изобретением евангелиста Матфея.

²⁷ Кольпинг, с. 653, примечание 124; с. 667. Ситуация подробно излагается в «Энциклопедии Иудаика», т. 10: Оба главных источника синоптических евангелий – древнее повествование и собрание изречений Иисуса – были составлены в ранней христианской общине Иерусалима, а затем переведены на греческий с арамейского или древнееврейского. Они рисовали образ Иисуса, сохраненный в памяти учеников, знавших его лично. Евангелия в их современном виде представляют собой сплав этих двух источников, которые часто изменялись по причине церковной предвзятости. Это становится особенно очевидным из описания суда над Иисусом и его распятия, в котором все евангелисты, в той или иной мере, преувеличивают вину евреев и сводят к минимуму участие Пилата. Ввиду того, что отношения между церковью и синагогой становились все более напряженными, христиане вовсе не стремились изображать основателем своей веры человека, казненного римским судом. Однако,

Анализ истории страстей Господних особенно отчетливо выявляет следы редакции и адаптации исторической истины. В синоптических евангелиях содержатся элементы различных источников, передающих историю страстей Иисуса. Евангелия от Марка и Матфея рассказывают о том, что власти неохотно шли на арест Иисуса в Иерусалиме, потому что опасались, что во время Пасхи, на которую стекались огромные толпы народа, такой шаг мог привести к народным волнениям; «...но говорили: *только* не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе» (Марк. 14, 2).

В Евангелии от Луки римляне часто изображаются противниками как верующих в Иисуса, так и всего еврейского народа.²⁸ Должно быть, существовала первоначальная версия, по которой казнь Иисуса на кресте воспринималась жителями Иерусалима как национальная трагедия: огромное множество людей следовало за ним к месту казни, оплакивая его судьбу. Еврейские женщины пытались смягчить его агонию с помощью обезболивающего напитка, а простой люд бил себя в грудь, когда приговор приводили в исполнение:

И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших... И весь народ, спешивший на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь. (*Лук. 23, 48; 23, 27–28*)

Марк говорит о том же, хотя и не так остро, сообщая, что на пути к месту казни Иисусу давали «...пить вино со смирною; но Он не принял» (Марк. 15, 23). В древнем Израиле, как замечает Давид Флюссер,²⁹ такой жест милосердия по отношению к приговоренному человеку, которого вели на смерть, был обычным явлением. Считалось, что такой напиток притуплял чувства и облегчал страдания.

Эти отрывки из Евангелий от Марка и Луки, должно быть, черпают информацию из единого источника. Они противоречат немаловажному догмату евангельских повествований, согласно которому еврейский народ в приступе неистовой ненависти якобы потребовал казнить Иисуса. Лука высказывает далее мнение, поддерживаемое другими историческими сведениями, что Пилат был редкостным извергом, который без колебаний мог бы отдать приказ о массовом убийстве еврейских паломников: «В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лук. 13, 1). Вероятно, этот отрывок восходит к подобному источнику. Он резко контрастирует с другими местами евангелий, которые описывают Пилата как добродушного человека, предпринявшего несколько попыток спасти жизнь Иисуса.

Такую двуплановость можно увидеть и в других отрывках. Так, Евангелию от Матфея, с одной стороны, присуща общая антиеврейская тенденция, с другой стороны – оно постоянно делает ударение на том, что Иисус и его деяния являют собой исполнение пророчеств ветхозаветных пророков. У Луки бросаются в глаза явные проримские настроения. Например, он считает, что римляне не имеют никакого отношения к насильственной смерти Иисуса (Лук. 23, 25–26; Деян. 2, 36; 5, 30). Однако Иисус представлен здесь как ожидавшийся Мессия-воин, который выдворит римлян из страны (Лук. 1, 68–71; 24, 19–21), а его казнь описывается как ужасное бедствие для народа.

сверяя источники в соответствии с принципами литературной критики, а также изучая иудаизм того времени, можно нащупать историческую подоплеку суда над Иисусом.

²⁸ У Луки, особенно в Деяниях (2, 23; 4, 10; 5, 30), факты представлены с прямо противоположной точки зрения, личная вина возложена на весь еврейский народ. Евреи несут ответственность как за распятие Иисуса, так и за предательство Иуды.

²⁹ *Die letzten Tage Jesu in Jerusalem*, с. 172.

В общем, остается открытым вопрос о том, существовало ли первоначальное описание жизни и смерти Иисуса, которое в большей степени отражало истинное положение вещей, чем то, что появилось позже, после победы эллинистического учения Павла.

Члены первоначальной христианской общины, которые имели тесный личный контакт с Иисусом и сообщали достоверную информацию о своем учителе, после разрушения Иерусалима не могли более участвовать в процессе редактирования писаний. Они уже не имели возможности оставаться в Иерусалиме. В начале Иудейской войны против римлян в 66 г. н. э. они бежали в Пеллу, расположенную на восточном берегу Иордана;³⁰ став к тому времени пацифистами, они отказывались брать в руки оружие.³¹ Эти иудеохристиане, полагаясь на авторитет Иакова, брата Иисуса, даже после выселения не интересовались богатством, называли себя «эвионитами» («бедняками») и оставались верными еврейскому Закону. Им не были известны учения о девственном рождении и божественности Христа, возникшие только после смерти Иисуса. По этой причине во II веке эвионитство как ересь было запрещено, а память о нем стерта из истории Церкви.³² Во всяком случае, ко времени появления на свет евангелий и Книги Деяний учение Павла уже одержало победу над идеологией ранней христианской общины Иерусалима. Оно стало доминирующей точкой зрения последователей Иисуса.³³

Отличительный признак учения Павла состоит в том, что смыслом жизни Иисуса признается не то, как и чем он повлиял на мир, а характер его смерти. Это же прослеживается и у евангелистов, которые связывают смерть Иисуса с отсутствием раскаяния со стороны Израиля, жестокость которого издавна проявлялась в убийстве пророков.³⁴

Исключительно Павлу принадлежит авторство, например, так называемого повеления о крещении³⁵ и поручение благовестия, которые мы находим в Евангелиях от Марка и от Матфея: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Матф. 28, 19); «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Марк. 13, 10).

Оба повеления были включены в Евангелия для того, чтобы оправдать миссионерские путешествия Павла. Более того, повеление о крещении есть не что иное, как дальнейшее догматическое развитие мысли Павла. Оно связано с доктриной Троицы, которая впервые была сформулирована Тертуллианом в III веке и стала обязательной на Никейском и Константинопольском соборах в IV веке.³⁶ Повеление о благовестии прямо противоречит исторической обстановке, в которой Иисус намеревался вести проповедь: «... Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Матф. 15, 24). Нельзя даже сказать, что Иисус безразлично относился к тому, получают ли язычники пользу от его проповеди; он прямо запретил ученикам пропове-

³⁰ Еврейский писатель Мэккоби предлагает другую версию: Назаряне, будучи верными иудеями, приняли участие в защите города, и большинство из них погибли в результате последовавшей бойни. Небольшая часть их выжила, но, будучи весьма ослабленными, они не смогли возобновить миссионерскую деятельность и иметь какое бы то ни было влияние за пределами Палестины. С. Брэндон убедительно опроверг тот факт, что евреи-христиане бежали в Пеллу во время осады Иерусалима. (*Jesus and the Zealots*, с. 208 и далее) И Мэккоби, и Брэндон могли ошибаться. Они упустили из виду то, что во время Иудейской войны и руководитель восстания zelотов, и еврейский правитель Иерусалима Бар-Гиора почитались Мессиями. Это, скорее всего, было настолько неприятно для последователей Иисуса, что трудно представить себе, как они могли сражаться на стороне этих «Мессий» или признавать их военную власть.

³¹ Некоторые из евреев-христиан вернулись в Иерусалим по окончании войны. Однако Бар-Кохба не получил поддержки с их стороны во время своего восстания против римлян (132–135 гг. н. э.) не по причине их пацифистских убеждений, а потому что последователи Иисуса, должно быть, не могли идти под знамена лжемессии (Шёпс, с. 33).

³² Шёпс, с. 17. Имя Иакова, «брата Господа», не было опорочено.

³³ Деян. 13, 45–48. Ср. также: Шёпс, с. 10.

³⁴ Рютер, с. 90.

³⁵ В то же время в синоптических евангелиях нет упоминаний о том, что Иисус кого-либо крестил. Повествование Иоанна противоречиво. В то время как в Иоан. 3, 22 Иисус проводит обряд крещения, в Иоан. 4, 2 сказано, что Иисус сам никого не крестил, а только его ученики.

³⁶ В теологической литературе это высказывание, приписываемое Иисусу, обозначается как «слова Воскресшего Господа».

довать неевреям: «...на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Матф. 10, 5–6).

Эта позиция особенно достойна внимания, поскольку Иисус знал, что библейская вера никоим образом не запрещает ему идти к язычникам. Бог Израилев обращался ко всем людям, как сказано в III и IV Книгах Царств и у пророка Исаии.³⁷

Говоря современным языком, некоторые высказывания Иисуса следовало бы назвать явно шовинистическими. Например, он говорит, что неевреи «многословны», когда молятся (Матф. 6, 7), и называет их «псами» и «свиньями»: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями...» (Матф. 7, 6). Гордый израильтянин, он зашел так далеко, что возвел национальную ограду вокруг повеления любить своего ближнего. Когда нееврейка умоляет его исцелить свою больную дочь, она слышит горькие слова из уст Иисуса: «...дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Марк. 7, 27).

«Детьми» здесь названы сыны Израиля, а «псами» – неевреи. Бен-Хорин пишет:³⁸ «Только после того, как глубоко униженная женщина, переживавшая за свою больную дочь, прибегла к притче: „Так, господин, – отвечает она, – но и псы под столом едят крохи у детей“, – он сдается, будучи поражен ее верой: „...За это слово, пойдя; бес вышел из твоей дочери“» (Марк. 7, 25–30; ср. Матф. 15, 22–28). Евангелия упоминают только одного язычника, слугу римского сотника, для которого Иисус не пожалел своей исцеляющей силы (Матф. 8, 10–13; Лук. 7, 9–10).³⁹

Резюмируя, можно отметить, что именно в евангелиях и в многослойной истории их происхождения все еще можно увидеть следы исторического Иисуса под ретушью Павла.

³⁷ III Цар. 8, 41–43; Ис. 49, 6.

³⁸ *Bruder Jesus*, с. 58.

³⁹ «Энциклопедия Иудаика»: Либеральная фарисейская школа Гиллеля поощряла язычников, обращающихся в иудаизм. В противоположность этому, школа Шаммая сделала процедуру обращения максимально трудной, поскольку с большой сдержанностью относилась к прозелитизму, и Иисус во многом разделял этот взгляд (Матф. 23, 15). Как правило, он даже не исцелял неевреев. Следует отметить, что ни один из раввинистических документов не говорит о том, что не следует исцелять неевреев.

Глава вторая. Библейский Иисус

Обзор четырех евангелий

Самый древний из этих текстов, Евангелие от Марка, был написан сразу после разрушения Иерусалима и разграбления Храма римлянами в 70 г. н. э. Так называемое первенство Евангелия от Марка было установлено историками и теологами в середине XIX века. Марк создал композицию повествования, которой затем придерживались остальные евангелисты. Доминирующим остается предположение о том, что Евангелие от Марка было составлено в Риме.

По-прежнему ведутся дискуссии о том, кем был Марк, – евреем или язычником-христианином; так или иначе, в отношении язычников он настроен дружелюбно. Некоторые признаки дают основание полагать, что он уроженец Галилеи. Его евангелие, хотя и предназначалось христианам из язычников,⁴⁰ отличается четко различимыми прогалилейскими симпатиями. Это также справедливо и в отношении заключительной главы, так называемого постскриптума Марка,⁴¹ который появился гораздо позже, предположительно в середине II столетия. Даже воскресший Христос прежде направляется в Галилею.⁴² Другой признак галилейского происхождения – это частое употребление арамейских языковых оборотов. Некоторые колоритные арамейские выражения переведены столь же «неделикатными» греческими эквивалентами.

На этом основании социолог Антон Майер предпринял попытку доказать простонародное происхождение Иисуса. Он сделал это, выявив те простонародные выражения, которые встречаются в этом самом древнем евангелии. Так, например, в Евангелии от Марка (7, 20) говорится, что Иисус без всякого смущения употребил грубое слово *aphedron*. Майер пишет:⁴³ «Афедрон – это не туалет и не уборная. Говоря со всем должным уважением, это „сортир“ простонародья – слово, которое не решился бы упомянуть классик древнего мира». Объяснить случайное использование грубых выражений можно тем, что, вероятно, евангелист Марк в прошлом был солдатом. Довольно часто он использует термины из жизни римских военных. Это может также означать, что он был римским гражданином.

У Марка (в отличие от Матфея и Луки, которые, по крайней мере, подразумевают девственное рождение Иисуса) нет и малейшего намека на то, что Иисус мог иметь сверхъестественную природу. По описанию Марка, единственной особенностью Иисуса было то, что на него после Иоаннова крещения в знак Божьего благоволения сошел Дух Святой в виде голубя. Лишь после этого эпизода, и затем только в единичных случаях, по отношению к нему употребляется именование «Сын Божий». Кроме небесного гласа (Марк. 1, 11; 9, 7–8) так называют Иисуса еще всего двое одержимых нечистыми духами (Марк. 3, 12; 5, 7). В самом конце евангелия это наименование также употребляет палач Иисуса, римский сотник (Марк. 15, 39). Основные формы обращения у Марка – «Учитель» и «Рабби»⁴⁴.

Евангелие от Матфея, составленное, возможно, спустя десятилетие после Евангелия от Марка, написано на правильном греческом языке, хотя стиль его не столь утонченный, как в Евангелии от Луки, которое было составлено еще позже. Автор Евангелия от Матфея был

⁴⁰ Евангелие от Марка (7, 3) поясняет читателю еврейские обычаи.

⁴¹ Согласно господствующему мнению, из 16-й главы к Марку восходит только отрывок (16, 9–20).

⁴² Это описание также включено в последнюю главу Евангелия от Матфея (которое датируется более поздним временем). Лука и Иоанн, с другой стороны, упоминают среди мест, где появлялся воскресший Иисус, только окрестности Иерусалима, например Эммаус.

⁴³ С. 39.

⁴⁴ В Синодальном переводе – «равви». – Прим. перев.

евреем-христианином, который жил, вероятно, в Сирии. Он сообщает, что слава Иисуса распространилась по всей Сирии (Матф. 4, 24) и что по отношению к месту, где располагается сам Матфей, Иудея находится за Иорданом.

Время от времени выдвигается ошибочное предположение, будто евангелист Матфей был сборщиком податей, присоединившимся к ученикам Иисуса, потому что в Евангелии от Матфея бывший мытарь – ученик, носящий имя «Левий», – назван также Матфеем. Кроме того, в Книге Деяний (Деян. 1, 13) упомянут еще один раннехристианский апостол по имени Матфей; там он появляется среди учеников, собравшихся на Масличной горе⁴⁵ после смерти Иисуса. Сам евангелист Матфей никогда не утверждал, что принадлежит к двенадцати ученикам Иисуса, равно как и Павел не упоминает ученика по имени Матфей, который бы участвовал в проповеди Благой вести. В посланиях Павла апостолами названы только Иаков, Петр и Иоанн.

Евангелие от Матфея – излюбленное евангелие Католической церкви, и по вполне очевидной причине: лишь в нем явно утверждается, что один только Симон Петр удостоился получить от Иисуса особый статус. Другие евангелисты ограничиваются упоминанием о том, что Иисус дал ученику Симону имя Петр, что значит «скала», «камень»:

... Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. (Матф. 16, 17–19)

С незапамятных времен папы цитировали этот отрывок, в котором Петру дарована божественная власть, чтобы утвердить свою собственную – в качестве его преемников. По этой причине Новый Завет начинается Евангелием от Матфея, а не Евангелием от Марка. Католические писания также утверждают, что в конце своей жизни Петр приехал в Рим и умер мученической смертью в период преследований христиан при Нероне. В действительности же о судьбе Петра нам ничего не известно. Не исключено, что в 44 г. н. э. его постигла судьба Иоанна и Иакова Зеведеевых, приговоренных к смерти царем Агриппой за принадлежность к движению zelотов.

Отрывок из Евангелия от Матфея (16, 17–19) является позднейшей христологической интерполяцией, и это мнение не встречает никаких обстоятельных возражений. Оно аргументируется тем, что еврей Иисус не мог и помыслить о том, чтобы создавать собственную отдельную церковь.⁴⁶ Кроме того, другим евангелистам ничего не известно о возведении Петра в особый статус. Они, несомненно, сообщили бы, если бы что-то подобное действительно имело место. Более того, всего лишь четырьмя стихами ниже Иисус упрекает ученика Петра необычно резким тоном: «... отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Матф. 16, 23). И это определенно свидетельствует о том, что в первоначальной версии отрывка о превосходстве Петра просто не было. Такой упрек был бы невозможен, если бы Петр действительно имел привилегии и, тем более, обладал властью открывать и запирать врата спасения, так называемой Властью Ключей.⁴⁷

⁴⁵ Вскоре после этого еще один Матфей (в Синодальном переводе его имя передано как «Матфий». – *Прим. ред.* – *консульт.*), заменивший Иуду, присоединился к группе учеников (Деян. 1, 26).

⁴⁶ Римско-католической церкви было очень важно, чтобы слово *эклесия* переводилось здесь как «церковь». Лютер, напротив, переводит его как «община».

⁴⁷ Шалом Бен-Хорин (*Bruder Jesus*, с. 38) описывает, как католический теолог Иосиф Шницер был смещен с занимаемой должности преподавателя Мюнхенского университета и изгнан, поскольку, будучи непредвзятым ученым, чувствовал свою неспособность противостоять протестантскому теологу Адольфу фон Гарнаку и подтвердить подлинность евангельского отрывка, касающегося ключей и власти Петра.

В Евангелии от Матфея, более чем в других синоптических евангелиях, очевиден акцент на том, что весь иудаизм в целом, за исключением общины обращенных, погряз во грехе. Его вожди – традиционалисты фарисеи – названы лицемерами, слепыми глупцами, порождениями ехидны и сынами геенны. Только Евангелие от Матфея содержит два эпизода, которые на протяжении всей истории западного мира не раз служили «юридическим основанием» для преследований евреев, а именно «слова отвержения Иисуса» и «проклятие, навлеченное евреями на самих себя»: «Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его...» (Матф. 21, 43); «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Матф. 27, 25).

Как это ни парадоксально, именно у Матфея такое отвержение Израиля соседствует с решимостью объединить Новый и Ветхий Заветы. Он стремится доказать цитатами из Ветхого Завета, что и приход Иисуса, и его деяния были исполнением обетований, данных Израилю. Эта идея формулируется им так: «...сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка...» и встречается регулярно. (В этом Матфей не отличается от тех фундаменталистов современного иудаизма, которые точно знают, какой библейский текст предсказывает принятие Декларации Бальфура, образование Государства Израиль или Шестидневную войну.)

Следующая задача евангелиста Матфея – показать, что Иисус – это обещанный Мессия. Это отражено в обороте «сын Давидов», особенно часто используемом в повествовании; в те времена оно воспринималось как именование Мессии. Подробная генеалогия Иисуса в начале евангелия, особое значение Вифлеема как места его рождения, типичная для представлений о Мессии судьба беглеца (в данном случае бегство в Египет), – все служит данной задаче. Тем не менее интересно, что Иисус представлен не как воинственный Мессия, каким его ждали во времена римского гнета, а именно как Князь мира (покоя) (Матф. 21, 4–5).

Лука, чье евангелие было составлено в предпоследнее или последнее десятилетие I века, возможно, был по происхождению не евреем, а греком, ученым-богословом, христианином из язычников. Жил он в Греции или Малой Азии, много путешествовал, что подтверждается подробными географическими описаниями. Иисус после своего воскресения уже не обитает на земле, но становится небесным жителем. Лука – единственный из новозаветных авторов, описывающий вознесение Иисуса (Лук. 24, 50–52; Деян. 1, 9–11). Зимонис называет его «великим рассказчиком» среди евангелистов, у которого личность Иисуса стала «сознательно литературной». ⁴⁸ Более пристальное внимание этого автора к чудесам, якобы совершенным Иисусом, можно объяснить влиянием эллинистического мира, в котором жил Лука.

Бытует мнение, главным образом в Церкви, что Лука был врачом. Этому нет никаких доказательств; самое большее, что мы имеем, – это незначительный намек: Лука описывает болезни точнее, нежели остальные евангелисты, а успех исцелений Иисуса выглядит более ярко. Если Марк критикует врачей, не сумевших помочь женщине, страдавшей кровотечением, несмотря на то, что она потратила на их услуги все свои сбережения, то Лука смягчает критику (Марк. 5, 25–26; Лук. 8, 43). Возможно, это объясняется профессиональной солидарностью. В Послании к Колоссянам (4, 14) Павел говорит о Луке как о «враче возлюбленном». Однако экзегетическое исследование показывает, что этот Лука не является автором евангелия.

Автор Евангелия от Луки – также и автор Книги Деяний Апостолов (Деян. 1, 1), потому нельзя рассматривать это евангелие изолированно. Оно являет собой часть двухтомной теологической работы. Повествование начинается и заканчивается Храмом (Лук. 1, 5–10; 24, 53). Судьба Иисуса представляется нераздельной составляющей судьбы Иерусалима. ⁴⁹

⁴⁸ С. 192.

⁴⁹ Лук. 13, 33–35; 19, 39–44; 21, 22–24; 23, 26–31; см. также: Кольпинг, с. 297.

Как подчеркивает Майер,⁵⁰ Лука считается «наиболее изысканным новозаветным автором», который обращается «к искусенной, читающей публике, к имущему классу»: «Он предпочитает подбирать слова, соответствующие высокому социальному статусу аудитории, и идет в этом так далеко, что старается избегать выражений, имеющих хотя бы едва заметный оттенок низкого употребления... Лука, быть может, не стал бы возражать, если бы его назвали первым христианином-джентльменом». В этом евангелии часто идет речь о «правящих мужах», «благородном происхождении» и «царском достоинстве». В притче о блудном сыне отец мог позволить себе заколоть теленка.

С другой стороны, для Евангелия от Луки характерен неприкрытый социально-критический подход. Часто подчеркивается контраст между бедными и богатыми. В притче о большом ужине (Лук. 14, 15–24) на пир приглашаются именно нищие и калеки, слепые и хромые. Однако эта притча, как и притча о злых виноградарях, имеет антиеврейскую подоплеку. Приглашенные первыми именитые гости – это народ Израиля. Израиль, однако, неотзывчив и не принимает Божье приглашение. В своем гневе Бог обращается к нищим, калекам и слепым, и с тех пор гостями Бога становятся язычники. Так называемый первичный коммунизм ранних христианских общин упоминается только в Книге Деяний, написанной Лукой (4, 32–37). Даже величальная песнь Марии не обходится без упоминания классово-борьбы:⁵¹ «...низложил сильных с престолов – и вознес смиренных; алчущих исполнил благ – и богатящихся отпустил ни с чем...» (Лук. 1, 52–53). Иисус намеренно представлен как сын бедных людей; не нашлось даже достойного места для его матери при родах, поэтому местом его рождения стал темный хлев. Вероятно, так оно и было; едва ли кому-то придет в голову идея ни с того ни с сего придумывать коровник. Но Лука знает, как задеть у своих читателей сентиментальные струнки. Рождение в жалких условиях превращается в идиллию у яслей. Именно поэтому немецкой публике так понравился рождественский рассказ в Евангелии от Луки: Мария, пеленающая младенца Иисуса и кладущая его в ясли, стоящий рядом Иосиф, вол и осел.⁵²

В Евангелии от Луки именно Марии воздается особая честь. В IV веке такое вдохновенное почитание Марии (которое усилилось в ходе Контрреформации) развилось в самый настоящий культ Марии. Кроме того, его лирическое наполнение легло в основу «культа Богоматери»:

Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная!.. И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем... (Лук. 1, 28; 1, 46–47)

Во всем же остальном Мария играет незначительную роль в евангелиях. Случайные встречи Иисуса с матерью, если и описаны, то скорее с негативной интонацией.⁵³ Павел, похоже, считает Марию настолько незначительной фигурой, что даже не упоминает ее имени, хотя, возможно, он встречался с ней в Иерусалиме (Деян. 1, 14). Но и у Луки мы встречаем

⁵⁰ С. 121 и далее—135, 149.

⁵¹ Однако и в Ветхом Завете мы находим подобные примеры: Пс. 146, 6; Иов 5, 11; 12, 19; 1 Цар. 2, 7. Возможно, данный отрывок можно истолковать по-другому: «сильные» и «богатящиеся» – это римляне, которых Бог, посредством Мессии, изгонит из страны, чтобы восстановить Свой униженный народ.

⁵² Следует отметить, что Евангелие от Луки упоминает ясли, Марию, Иосифа, а также младенца Иисуса, однако в нем нет ни слова о воле или осле. Животные обязаны своим присутствием пророчеству из Книги Исаии (1, 3): «Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает *Меня*, народ Мой не разумеет». Лапид пишет (*Flüchtlingskind*, с. 18): «Эти обличительные слова пророка вырваны из контекста и адаптированы отцами Церкви к сцене с младенцем Иисусом, где упомянутые животные отдают ему дань почтения, с единственной целью – проиллюстрировать мнимое упрямство Израиля». Франциск Ассизский был одним из первых, кто подробно описал сцену в яслях, отразив в ней собственное благожелательное отношение к животным, и эта традиция жива по сей день.

⁵³ Например, Марк. 3, 31–35; Матф. 13, 55; Иоан. 2, 4. Даже несмотря на присутствие Марии возле креста описание евангелиста Иоанна (19, 26) свидетельствует о прохладных отношениях между матерью и сыном.

проявление прямого неуважения к матери. Когда ее хвалит женщина из толпы, Иисус тут же возражает:

Когда же Он говорил это, одна женщина, возвысив голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его. (*Лук. 11, 27–28*)

Кроме того, только в Евангелии от Луки упоминается тот факт, что среди последователей Иисуса были не одни мужчины:

После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим. (*Лук. 8, 1–3*)

Помимо трех упомянутых женщин были и другие; вероятно, в ближайшем окружении Иисуса женщин было даже больше, чем мужчин.⁵⁴

Автор Евангелия от Иоанна, увидевшего свет, видимо, только после завершения I столетия, не имеет ничего общего с любимым учеником Иисуса Иоанном, который, как и его брат Иаков, называется сыном Зеведеевым (они также названы «сыны грома»). Последний, разделив мученическую судьбу своего брата, как мы уже говорили, был обезглавлен царем Иродом Агриппой в 44 г. н. э., возможно, по обвинению в принадлежности к движению zelotim.⁵⁵

Евангелие от Иоанна характеризуется всеобъемлющим и фундаментальным антииудаизмом. Удивительно, но именно в нем содержится знаменитая фраза, которую Иисус сказал женщине у источника Иакова: «...спасение от иудеев» (Иоан. 4, 22). Однако ничего большего, кроме убеждения, что Мессия придет из народа Израиля, в упомянутых словах найти нельзя,⁵⁶ а это никогда и не оспаривалось.

Это, конечно же, говорит о том, что и в Евангелии от Иоанна представлены разнообразные мнения; несмотря на фундаментальную и всеохватывающую антиеврейскую тенденцию, оно отражает и обратный взгляд на вещи и часто изображает евреев как особо пылких последователей Иисуса.⁵⁷ Они, говорится в этом евангелии, даже хотели сделать его своим царем (Иоан. 6, 14–15).

Согласно Евангелию от Иоанна, всякий раз, когда Иисус встречается с братьями-евреями, он оскорбляет и ругает их. Он считает, что они совершенно не понимают Бога (5, 37–38), а иногда ведет себя так, будто они чужестранцы. О Законе он говорит: «ваш Закон» (Иоан. 10, 34) или «их Закон» (Иоан. 15, 25), а о празднике: «праздник иудейский» (Иоан. 7, 2). Он ругает даже «уверовавших в него» иудеев (Иоан. 8, 31): «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала...» (Иоан. 8, 44).

Лапид очень красноречиво сформулировал:⁵⁸

⁵⁴ Кольпинг, возможно, ошибается, когда пишет: «Присутствие женщин в окружении Иисуса следует объяснять тем, что они должны были выполнять функции прислуги» (*Theologische Revue*, с. 271).

⁵⁵ Книга Деяний (12, 2), где говорится лишь об обезглавливании Иакова. Поскольку имя Иоанна после этого ни разу не встречается в Книге Деяний, можно сделать вывод, что его постигла та же участь.

⁵⁶ Указ, изданный Министерством внутренних дел Рейха в 1938 году, предписывал директорам школ следить за тем, чтобы этот отрывок удалялся из Библий, используемых в образовательном процессе.

⁵⁷ См.: Иоан. 11, 47 и далее; 12, 19.

⁵⁸ *Der Jude Jesus*, с. 73. В том же издании протестантский теолог Луц добавляет (с. 135): «В Евангелии от Иоанна реально существующий еврей становится теологическим символом, а позже этот теологический символ превращается в козла отпущения в лице реально существующих евреев».

Если бы какому-нибудь эскимосу при формировании мнения о христианстве пришлось бы опираться исключительно на четвертое евангелие, волей-неволей он пришел бы к выводу, что по каким-то причинам Иисус попал в общество озлобленных, коварных, и кровожадных неверующих евреев, ненависть которых неизбежно должна была привести к его смерти. Он ни за что бы не поверил, что между Иисусом и «евреями» может быть что-то хоть сколько-нибудь общее.

Один лишь Иисус – Добрый Пастырь. Евреи не могут знать Бога, поскольку Бога можно познать только через Христа.⁵⁹ Евреи не в состоянии понять смысл Священного Писания, потому как отвергают христологическую экзегетику...⁶⁰

Евангелист Иоанн жил не в Палестине, а в эллинистическом окружении, предположительно в Малой Азии. И хотя остается вероятность того, что он был евреем диаспоры, в композиции евангелия нет ничего еврейского. Текст свидетельствует о глубоком влиянии какого-то гностического ответвления раннего христианства (позже столкнувшегося с резкой оппозицией других сект), которую протестантский теолог Ханс Концельманн описал как «чудовищную смесь – *mixtum compositum* – из иранской, вавилонской и египетской мысли».⁶¹ Среди ученых преобладает мнение, что автор евангелия умер, не успев закончить свой труд. Соратники или другие писатели не только приукрасили и отредактировали его сочинение, но и добавили 21-ю главу. Некоторые теологи полагают, что Иоанн является автором завершающих отрывков синоптических евангелий; другие утверждают, что он стремился заменить их своим, тогда как третьи придерживаются мнения, что Иоанн даже не знал о существовании синоптических евангелий и что параллельные места в его работе свидетельствуют о существовании общей христианской традиции.⁶²

Иисус синоптических евангелий, подобно еврейским раввинам того времени, объясняет Божьи уставы в форме притч и поговорок и проповедует приближение Царства Божьего простыми словами, трогающими сердца людей. В Евангелии от Иоанна Иисус произносит длинные речи, то и дело повторяясь, говоря в основном только о себе. Трудно представить, чтобы настоящий Иисус разговаривал со своими соотечественниками так:

Я хлеб живой, спешший с небес; ядуший хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядуший Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядуший Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, *так* и ядуший Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, спешший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядуший хлеб сей жить будет вовек. (*Иоан. 6, 51–58*)

В этом евангелии нет ни одной притчи, если не считать таковыми некоторые аллегории, например о Добром Пастыре, или метафорическое сравнение учеников с плодоносящими ветвями.

⁵⁹ Иоан. 5, 19–47; 7, 28; 15, 21; 16, 3.

⁶⁰ Иоан. 12, 37–40.

⁶¹ *Grundriss*, с. 27. Это утверждение появляется в более умеренной формулировке в четвертом издании под редакцией Андреаса Линдемманна.

⁶² Кольпинг, с. 301.

Евангелие от Иоанна содержит еще меньше биографических данных об Иисусе, чем остальные евангелия. Лишь по счастливой случайности авторство реплик Иисуса синоптических евангелий может подлинно принадлежать Иисусу; но о том, что Евангелие от Иоанна содержит хоть одно подлинное высказывание или учение Иисуса, не может быть и речи.

У Иоанна Иисус не такой, каким он предстает перед нами в синоптических описаниях; это уже не раввин из Галилеи, в котором народ видит пророка, а апостолы угадывают Мессию. Иисус Иоанна не обладает человеческими слабостями и не участвует в крещении покаяния, не подвергается искушению от дьявола и не переживает страх и дрожь в Гефсимании. Также опущено описание вопля от боли на кресте, которое присутствует у Марка и Матфея. Принадлежность к дому Давида уже не вызывает интереса. Вместо этого Иисусу присваивается свойственное Богу всеведение. Это евангелие было написано, говорит автор, «...дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий...».

Несомненно, Евангелие от Иоанна – наиболее высокоинтеллектуальное из четырех евангелий. Более того, это любимое евангелие Мартина Лютера:⁶³

Поскольку Иоанн весьма мало пишет о Христе, но весьма много о его проповеди... Евангелие от Иоанна – единственное нежное, истинно главное евангелие, и оно много, много предпочтительнее трех остальных.

Здесь внутри теоретического обрамления заключено описание исторических событий. Оно беспристрастно и позволяет извлечь подлинный смысл. В отличие от авторов других евангелий, Иоанн анализирует историческую обстановку и объясняет ее политические причины. Благодаря этому евангелию можно определить, как то или иное событие вписывается в общую картину. Замечательный пример находится в Евангелии от Иоанна (18, 14), где первосвященник Каиафа прагматично доказывает, что выдача Иисуса римлянам политически оправдана и соответствует интересам еврейского народа.

Апостол Павел сообщает

Несомненно, Павел является наиболее выдающейся личностью среди авторов Нового Завета. Хотя он не упоминается ни в одной исторической хронике, нет сомнений, что он существовал. Согласно официальному подсчету, он оставил после себя тринадцать посланий, семь из которых, по крайней мере, считаются подлинными: Послание к Римлянам, два Послания к Коринфянам, Послания к Галатам и Филиппийцам, Первое послание к Фессалоникийцам и Послание к Филимону.⁶⁴ Остальные послания Павла, вероятно, написаны сподвижниками апостола, которые воспользовались именем Павла, дабы придать своим трудам большую авторитетность.

Книга Деяний Апостолов, написанная Лукой, содержит подробные описания деятельности Павла, но не цитирует его послания. Следует сделать вывод, что к концу I века они не были знакомы широкой аудитории.⁶⁵

Павел родился в 10 г. н. э. Следовательно, к моменту казни Иисуса он был очень молодым человеком. Возможно, в то время он учился в Иерусалиме, но лично с Иисусом он никогда не был знаком. Из рассказа в Книге Деяний (22, 3) можно сделать вывод, что Павел происходил из ортодоксальной семьи, проживавшей в Тарсе в Киликии, в современной Анталии. Он имел римское гражданство и был хорошо знаком с греческой философией и религией; Тарс славился как самый греческий город Малой Азии.

⁶³ Цит. по: Аугштайн, с. 45.

⁶⁴ Бен-Хорин, *Paulus*, с. 91.

⁶⁵ Борнкамм, *Paulus*, с. 18.

Павел оставался евреем диаспоры: «...для иудеев я был как иудей... для чуждых Закона – как чуждый Закона...» (I Кор. 9, 20–21). Его миссионерским ареалом был греческий мир, именно здесь он достиг успеха как «апостол язычников».⁶⁶ Бен-Хорин описывает его как «римского гражданина еврейского вероисповедания и эллинистической культуры» и противопоставляет его Иисусу, которого определяет как «стопроцентного иудея, еврейского гражданина и абсолютного еврея, которого сегодня мы назвали бы саброй».⁶⁷

Как и подобает еврею, вне зависимости от уровня образованности и социального положения, прежде всего Павел изучил ремесло: он был изготовителем палаток. Позже он получил богословское и юридическое образование в Иерусалиме под руководством рабби Гамалиила и стал фарисеем. Павел охотно упоминает о своем фарисействе всякий раз, когда видит в этом пользу. Так он поступил, например, когда в 60 г. н. э. предстал перед Синедрионом, обвиняемый в незаконном поведении: «...мужи братия! я фарисей, сын фарисея...» (Деян. 23, 6). Однако это утверждение достоверно лишь формально. Павел действительно получил раввинистическое образование; об этом свидетельствует стиль его посланий. Но, тем не менее, его эллинистские взгляды и пристрастное отношение к язычникам фундаментально отличают его от фарисеев.

Это отличие особенно трагично, поскольку Павел инициировал процесс, породивший отчуждение Церкви и тотальное распространение антииудаизма.⁶⁸ Павел высмеивает еврейские родословия (что в какой-то мере свидетельствует о раздвоении личности) и называет сором все, что делало его ортодоксальным евреем (Флп. 3, 8). Некоторые критические замечания апостола, направленные в адрес собратьев-евреев, не принадлежавших к последователям Иисуса, были настолько остры, что имели роковой намек на идею «окончательного решения»:

Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца.
(I Фес. 2, 14–16)

Трудно понять, как человек, чувствующий себя частью народа Израиля, аллегорически представляющий его культурной маслиной, корни которой питают ветви обращенных язычников, может так пренебрежительно писать о евреях. «Достаточно увидеть, как в словах Павла сочетаются ненависть к собственному еврейству и любовь к Израилю, чтобы понять, какие муки раздвоения личности, должен был переживать этот человек», – отмечает Бен-Хорин.⁶⁹ Можно было бы вздохнуть с облегчением, если бы удалось доказать, что антисемитские заявления Павла, особенно отрывки из Послания к Фессалоникийцам, являются фальсификацией. Однако не исключено, что подобные бесчестящие высказывания были приписаны апостолу позже, во время «ревизии» посланий отцами Церкви, которые в большинстве своем были юдофобами. Так или иначе, до нас все же дошли высказывания Павла совершенно противополож-

⁶⁶ Язычники были разочарованы пустотой, обнаружившейся в их вере, не способной предложить им ни утешения, ни решения их мирских горестей. Большое число их потянулось к христианству, главным образом потому, что Павел предлагал им статус прозелитов. Их привлекали монотеистические принципы, а также вера в таинства и глубокое внутреннее стремление к спасению в пакибытии силою Бога, обещающего вечную жизнь (см. также: Блайкен, с. 113 и далее).

⁶⁷ Бен-Хорин, *Paulus*, с. 184 и далее.

⁶⁸ Бен-Хорин, *Paulus*, с. 196: «Была ли, на самом деле, движущим мотивом жизни Павла любовь, которую он так прекрасно воспел, или же он руководствовался ненавистью, которая проступает сквозь многие места его посланий?»

⁶⁹ *Paulus*, с. 47.

ного характера, в которых он пишет о примирении и недвусмысленно признает непреходящую ценность иудаизма:⁷⁰

...Потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе... (*Римл. 3, 23–24*)⁷¹

...Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян, которым принадлежат усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, суший над всем Бог, благословенный во веки, аминь. (*Римл. 9, 3–5*)

Ибо и я израильтянин... Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. (*Римл. 11, 1–2*)

Спустя несколько лет после смерти Иисуса Павел радостно принял новую веру последователей Иисуса. В Послании к Галатам (1, 17–20) апостол сообщает, что, став последователем Иисуса, он совершил несколько путешествий по территории от Дамаска до Аравии и лишь потом отправился в Иерусалим, чтобы встретиться с Петром. В Иерусалиме он познакомился с братом Иисуса Иаковом. Невозможно точно установить, когда именно состоялась эта встреча с первыми христианами. Так или иначе, она была краткой, и уже с самого начала Павел и Петр не очень нравились друг другу. Судя по всему, две недели, проведенные вместе, были отмечены трениями, которые позже переросли в размолвку. Члены иерусалимской общины, вероятно, не доверяли человеку, который вдруг объявил себя последователем Иисуса. Более того, его «прошлое» вызвало скептицизм; его заподозрили в том, что он был шпионом Синедриона или римской военной администрации. Павел вновь встретился с Петром лишь по прошествии четырнадцати лет (Гал. 2, 1–9); после этой встречи они разошлись уже навсегда.

Сообщение в Книге Деяний (15, 1–35) о том, что Петр и Иаков согласились с точкой зрения Павла, является апологетической попыткой скрыть, насколько это возможно, их противоречия. Спустя тридцать лет, когда иудеохристианское движение утратило прежнее влияние, никто уже не хотел вспоминать о разногласиях между Павлом и ранней христианской общиной. Однако факт остается фактом – раскол внутри христианства зародился еще в начале: иудействующие выступали против эллинистов. По одну сторону стояли израильтяне ранней общины во главе с Петром и Иаковом, строго соблюдающие Закон Моисеев; по другую сторону находились грекоговорящие евреи из диаспоры, приверженцы греческой культуры, во главе со Стефаном и затем Павлом. Позже Католическая церковь примирила два течения, учредив праздник Петра и Павла.

В некоторых своих посланиях (напр., Гал. 1, 13) Павел сообщает, что в начале он принимал участие в преследованиях, которым еврейские власти подвергли членов секты Иисуса.⁷² В качестве примера приводится избивание камнями Стефана перед воротами Иерусалима, опи-

⁷⁰ В духе экуменизма я хотел бы оценить апостольские заявления в соответствии с их «объективной ценностью». Однако некоторые критики в своих толкованиях приходят к другим выводам: истинный Израиль – это духовный Израиль, Израиль обетования, а не Израиль Синайского завета. Лишь верующие во Христа являются истинными детьми Авраама и Обетования. Народ Моисеева завета обречен на гибель и гнев Божий. Лишь малое число, те, кто пришли к вере во Христа, могут обрести спасение. Таким образом (и лишь в этой мере), Бог не отверг Свой народ (Рютер, с. 101 и далее).

⁷¹ Вторая строфа популярного гимна «И вот, изранена священная глава» звучит так: «Господи, Ты пострадал лишь за мои грехи, лишь я виновен в том, что выпало тебе. О, Иисус, я тот бедный грешник, что достоин всех этих мук».

⁷² Преследования коснулись лишь эллинистического крыла последователей Иисуса; иудейское крыло было воспринято как верная общим еврейским принципам секта. Эллинистам пришлось спасаться бегством и переносить свою миссионерскую деятельность за пределы Палестины (Деян. 8, 1); иудейские апостолы и «церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое» (Деян. 9, 31).

санное в Книге Деяний (7, 45 и далее). Однако не ясно, была ли это санкционированная еврейскими властями казнь или расправа толпы, которую захлестнул приступ ярости по неизвестным нам причинам.

«Павел» – это имя римского гражданина, коим являлся апостол; его настоящее еврейское имя было Савл (по-еврейски «Шауль»). Предположение о том, что он отказался от еврейского имени и назвался Павлом после обращения в христианство, ошибочно; Павел никогда не обращался в христианство, т. е. не отрекался от прежнего вероисповедания и не принимал иного.⁷³

Говоря об Иисусе, Павел опирается не на свидетельства первоначальных иерусалимских апостолов (которых он иногда насмешливо называет «высшими апостолами»), но на прямое откровение, полученное от воскресшего Христа: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал. 1, 11–12). Он не скрывает того, что не видел исторического Иисуса своими плотскими глазами, но видел Христа духовными глазами в откровении Божьем (Гал. 1, 16). Павел говорит об аллегорической встрече с воскресшим Христом: после того, как Христос воскрес «на третий день, согласно писаниям», он, по словам Павла:

... Явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне как некоему извергу⁷⁴. (*1 Кор. 15, 5–8*)

Павел никогда не говорил, что Иисус, воскресший Христос, представал перед ним во плоти. Единственный отрывок, который дает основания для такого вывода, находится в Книге Деяний, написанной спустя тридцать лет после смерти Павла, – это отрывок о мистическом переживании в Дамаске, описание которого трижды появляется в книге (9, 1–9; 22, 6–11; 26, 12–18). Павел отправился в Дамаск якобы для того, чтобы начать там гонения на христиан по приказу еврейских властей. Иисус будто бы спросил Савла с небес, почему тот преследует его. Савл тут же раскаялся и изъявил желание встретиться с последователями Иисуса в Иерусалиме:

⁷³ Лapid, *Paulus*, с. 53. Изменение имени по религиозным причинам не было редкостью. Например, рыболов Симон получил новое имя Петр, когда стал учеником Иисуса (Марк. 3, 16–17; Лук. 6, 14). В Католической церкви по-прежнему сохранилась традиция получения нового имени при принятии монашеского обета или вступлении в должность папы.

⁷⁴ ...как некоему извергу. – В другом переводе: «...и это было, как если бы я родился, когда никто сего не ожидал». – Прим. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.